

Семейные отношения Петра

Приведенные слова Посошкова до некоторой степени можно приложить и к семейной жизни Петра: «Великий Монарх» не встречал полного сочувствия себе и в семейном кругу. Мы видим, что в молодости поведение и разница взглядов далеко отвели его от первой жены Евдокии Федоровны. Он нашел себе другую привязанность (Монс) и дошел до открытого разрыва с родней жены – Лопухиными. По возвращении из-за границы, он в 1698 г. постриг свою жену, открыто ему не сочувствовавшую. С тех пор она жила в суздальском Покровском монастыре под именем Елены, но далека была от верности вынужденным обетам монашества.

От брака с Евдокией у Петра был сын Алексей, родившийся в 1690 г. До 9 лет он жил при матери и, конечно, воспитывался в несочувствии к отцу. После пострижения матери он остался на попечении сестер отца в старом московском дворце, в старозаветной обстановке царевичей. Петр, при своих постоянных заботах и поездках, мало обращал внимания на воспитание сына; иногда бывали у царевичей воспитатели-иностранцы (Гюйссен), обсуждался план образования царевича за границей, но не был приведен в исполнение. И воспитатели мало повлияли на Алексея, зато подействовала среда. От духовника царевича до последнего товарища его забав возле Алексея собрались люди старого закала, ненавистники реформ, боявшиеся и не любившие Петра. В старом забытом дворце уцелела и старая по направлению среда. Царевич впитал в себя дореформенные взгляды, дореформенную богословскую науку и дореформенные вкусы: стремление к внешнему благочестию, созерцательному бездействию и чувственным удовольствиям. Дряблая натура сына еще более усиливала его резкую противоположность отцу. Боясь отца, царевич не любил его и даже желал ему скорой смерти; быть с отцом для Алексея было «хуже каторги», по его признанию. А чем больше рос царевич, тем чаще тревожил его отец. Петр привлекал его к делу, думал практическим трудом воспитать в сыне достойного себе помощника и наследника, давал ему поручения важного характера и часто возил его с собой. Но с первых же шагов он убедился, что сын хотя и умен, но к делу не способен, потому что бездеятелен по натуре и враждебен отцу по взглядам. Петр думал силой переделать сына, даже «бивал» его, но безуспешно. Сын остался пассивным, но упорным противником.

В 1711 г. Петр устроил женитьбу сына на принцессе Вольфенбюттельской Софии Шарлотте. Нужно думать, что этим он еще надеялся переделать сына, изменить условия его жизни, открыв доступ влиянию на сына культурной женщины. Царевич хорошо относился к жене, но не изменился. Когда у Алексея родился сын Петр и умерла жена (1715 г.), царь Петр стал иначе смотреть на сына: с рождением внука можно было устранить сына от престола, ибо являлся другой наследник. Кроме того, Петр мог рассчитывать сам иметь сыновей, так как в 1712 г. он формально вступил во второй брак. Женился он на женщине, с которой уже несколько лет жил душа в душу. Она была дочерью простого лифляндца, в Лифляндии попала в плен к русским, долго жила у Меншикова, в его доме стала известна Петру и прочно овладела его привязанностью. Приняв православие, она получила имя Екатерины Алексеевны Михайловой (а ранее называлась Скавронской и Василевской) и еще до 1712 г. подарила Петру дочерей Анну и Елизавету.

Екатерина была подходящим Петру человеком: скорее сердцем, чем умом понимала она все взгляды, вкусы и желания Петра, откликалась на все, что интересовало мужа, и с замечательной энергией умела быть везде, где был муж, переносить все то, что переносил он. Она создала Петру не знакомый ему ранее семейный очаг, достигла крепкого влияния на него и, будучи неустанной помощницей и спутницей государя дома и в походах, добилась формального

замужества с Петром. Влиянию Екатерины некоторые исследователи склонны приписывать решительный поворот в отношениях Петра к царевичу Алексею.

Поворот этот состоял в том, что Петр после смерти жены Алексея (1715) передал сыну обширное письмо, в котором указывал на его неспособность к делам и требовал или исправиться, или отказаться от надежды наследовать престол. В необходимости дать ответ отцу царевич обратился за советом к приятелям, и те посоветовали ему отказаться от престола лицемерно, для избежания дальнейших неприятностей в случае упорства. Царевич так и сделал. Но для Петра не было секретом, что все недовольные ходом дел видят в консервативных привычках царевича надежду на возвращение старых порядков и поэтому после Петра могут Алексея возвести на престол, несмотря на его теперешний отказ. Петр потребовал от сына не простого отказа от престола, а пострижения в монахи (что лишало его возможности вступить на трон) и снова предлагал сыну приняться за дело. Но Алексей на это отвечал, что готов идти в монахи, и ответил снова лицемерно. Петр отложил решение этого вопроса, не настаивая на пострижении сына, дал царевичу полгода на размышление и вскоре уехал за границу.

Прошло полгода, и в 1716 г. Петр из Дании потребовал у сына ответа и звал его к себе в том случае, если он раздумал идти в монахи. Под видом поездки за границу к отцу царевич выехал из России и отправился в Австрию к императору Карлу VI, у которого и просил защиты от отца. Карл скрыл его в Неаполе. Но в 1717 г. посланные Петром на розыски царевича Толстой и Румянцев нашли его и убедили добровольно вернуться в Россию. Алексей приехал в Москву в 1718 г. и в присутствии многочисленного народа, собранного во дворец, получил от отца прощение под условием, чтобы он отрекся от престола и назвал тех лиц, по совету которых он бежал. Царевич назвал их.

Следствие, наряженное над этими людьми, вскрыло всю обстановку прежней жизни царевича и дало такие результаты, каких Петр вряд ли ожидал. Он узнал о непримиримой вражде сына и к самому себе, и ко всей своей деятельности, узнал, что его сына окружали лица резко оппозиционного направления, что они настраивали Алексея со временем действовать против отца и что Алексей готов был на это. В то же время открылся ряд скандалов, в которых позорно участвовали родственные Петру лица и даже его первая жена. Розыск привел к суду, к строгим приговорам, много лиц было казнено; царица Евдокия заключена в Новой Ладого. Хотя следствие не открыло заговора против Петра со стороны царевича, однако дало Петру полное юридическое основание взять назад свое прощение сыну и передать царевича суду как государственного преступника.

Суд состоял из высших сановников (более ста), допросил царевича и при допросах подверг его пытке. Результатом судебного следствия был смертный приговор царевичу. Но судьба не допустила привести его в исполнение: царевич, измученный страшными нравственными потрясениями И, быть может, пыткой, умер в Петропавловской крепости 27 июня 1718 г.

Петр лишился старшего сына. Младшие сыновья его от второго брака, Петр и Павел, умерли в младенчестве. Остался один внук Петр Алексеевич и дочери Анна и Елизавета; остались также племянницы Екатерина и Анна Ивановна. При таком положении своей семьи Петр в 1722 г. издал указ о порядке престолонаследия, которым отменялся прежний обычай наследования по семейному старшинству и устанавливался новый порядок: царствующий государь имеет право назначить своим наследником кого угодно и лишит престола назначенное лицо, если оно окажется недостойным. Этот закон Петра после его смерти не раз подвергал колебаниям судьбу русского престола, а сам Петр им не воспользовался. Он не назначил себе преемника; косвенным же образом, как думали, Петр указал на свою жену как на избранную наследницу: в 1724 г. Екатерина была коронована в Москве Петром

весьма торжественно, в ознаменование ее заслуг перед государством и супругом.

Заметим, что закон о престолонаследии, шедший против векового обычая, потребовал обстоятельного оправдания в глазах народа и вызвал любопытнейший трактат Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей». В нем оправдывалось право монарха с разнообразных точек зрения – даже с точки зрения теорий Гуго Гроция и Гоббса.